

ПОДАВЛЕНИЕ ОНЛАЙН-ИНАКОМЫСЛИЯ

**ЗАКОНЫ ОБ АНТИЭКСТРЕМИЗМЕ СТАВЯТ
ПОД УГРОЗУ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА
В БЕЛАРУСИ**

ARTICLE 19

2nd Floor
The Market Building
72-82 Rosebery Avenue
London
EC1R 4RW

E: info@article19.org

W: www.article19.org

X: @article19org

Fb: facebook.com/article19org

Совместная публикация ARTICLE 19 и Human Constanta, автор — Татьяна Зинякова, дизайн обложки — Ксения Дероуга.

© ARTICLE 19, 2025

Настоящая работа распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution-Non-Commercial-ShareAlike 2.5.

Вы вправе копировать, распространять и демонстрировать данную работу, а также создавать производные произведения при соблюдении следующих условий:

- 1) указывайте авторство ARTICLE 19 и Human Constanta;
- 2) не используйте данную работу в коммерческих целях;
- 3) распространяйте любые производные работы на условиях лицензии, идентичной настоящей.

Полный юридический текст лицензии доступен по адресу:
<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.5/legalcode>.

ARTICLE 19 и Human Constanta будут признательны за получение экземпляра любых материалов, в которых использована информация из данного доклада.

Содержание

Введение	4
Беларусь: конвейер экстремизма	5
Случаи и тенденции	5
Онлайн-комментарии	6
Администрирование и подписка на онлайн-платформы и каналы	8
Онлайн-пожертвования	10
Влияние на цифровые права	11

Введение

...законы были грубо использованы в качестве инструмента наказания — с вынесением суровых приговоров — за законное осуществление прав на свободу выражения мнений, свободу собраний и объединений.

— Доклад Группы независимых экспертов по положению в области прав человека в Беларуси, A/HRC/58/68, п. 28

Он ставил под угрозу свои традиционные права на свободу и независимость, осмеливаясь ими пользоваться.

— «Уловка-22», Джозеф Хеллер

Автократы склонны формировать собственный набор слов-маркеров — эластичных ярлыков, которые можно растянуть на любого политического противника. Такие всеобъемлющие понятия, как «экстремист», «иностранный агент» или «нежелательная организация», размыто определённые в национальных законах, являются неотъемлемой частью словаря диктаторов. Законы и политика «борьбы с экстремизмом» давно служат инструментом общественного контроля и подавления гражданской активности в Восточной Европе и Центральной Азии. Враждебные нотки вокруг недавно изобретённого термина «экстремизм гендерной идеологии» звучат и по другую сторону Атлантики. Хотя насильственный экстремизм является реальной угрозой, заслуживающей мониторинга и противодействия, та вольность, с которой это понятие жонглируется и используется в качестве оружия, представляет не менее реальную угрозу правам человека — как офлайн, так и онлайн.

Наиболее серьёзные угрозы цифровым свободам исходят не только от фишинговых атак или шпионского ПО, но и от правового механизма, перепрофилированного для нужд цензурного аппарата. Репрессивные тактики не требуют высокой степени технологической изощрённости, чтобы войти в арсенал цифровых диктаторов. «Аналоговые» методы — ужесточение законов, пополнение списков запрещённых материалов и регулярное вынесение суровых приговоров — могут иметь катастрофические последствия для цифровых прав, особенно свободы слова в интернете.

Законы «о борьбе с экстремизмом» несут в себе неотъемлемый риск для цифровых прав в силу лёгкости, с которой они применяются. Комитет по правам человека формулирует этот риск в Замечании общего порядка № 34 к Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП): такие преступления, как «поощрение терроризма» и «экстремистская деятельность», должны быть «чётко определены, чтобы не допускать излишнего или непропорционального вмешательства в свободу выражения мнений». Совместная декларация о свободе выражения мнения и противодействии насильственному экстремизму¹ также предупреждала, что понятие «экстремизм» не должно служить основанием для ограничения свободы выражения мнений, если оно не определено чётко и достаточно узко.

Неточность — это власть авторитаристов: чем шире понятие, тем легче превратить мем, пожертвование или простой «лайк» в преступление. Определения растягиваются, переписываются и применяются даже ретроактивно, так что вчерашняя законная публикация может стать сегодняшним преступлением.

---

¹ Составлена Специальным докладчиком ООН по вопросам свободы мнений и их выражения, Представителем ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, Специальным докладчиком ОАГ по вопросам свободы выражения мнений и Специальным докладчиком АКПЧ по вопросам свободы выражения мнений и доступа к информации при содействии ARTICLE 19 и Центра права и демократии (CLD), опубликована 3 мая 2016 года.

Беларусь: конвейер экстремизма

Беларусь, судя по всему, подаёт пример авторитаристам и их подражателям: навешивание ярлыка «экстремизма» или «терроризма» практически на любое инакомыслие стало излюбленным инструментом репрессий. Уголовное преследование за «экстремизм» нередко принимает абсурдные формы — песни, мемы и аниме регулярно признаются проявлениями экстремизма. Однако последствия далеко не смешные: белорусские суды неоднократно выносили суровые приговоры за онлайн-пожертвования, комментарии в интернете или администрирование онлайн-платформ. С момента протестов 2020–2021 годов де-факто власти Беларуси сообщили об открытии не менее 22 500 уголовных дел по «антиэкстремистским» основаниям.

«Экосистема» «антиэкстремистских» репрессий опирается на специализированные законы о противодействии «экстремизму» и «терроризму», соответствующие уголовные и административные составы, многочисленные «экстремистские» списки, поправки, допускающие лишение гражданства за «экстремистские преступления», введение смертной казни за «акты терроризма» и «государственную измену», а также присвоение статуса «склонного к экстремизму» в местах лишения свободы. Политизированный характер этой системы неоднократно подвергался критике — в том числе со стороны Специального докладчика по положению с правами человека в Беларуси, Группы независимых экспертов по этой же теме, докладчиков Московского механизма ОБСЕ, а также международных и местных НКО.

Цена таких эластичных ярлыков измеряется человеческими жизнями. Анна Кондратенко была арестована в мае 2022 года за несколько критических комментариев, оставленных в Telegram-каналах. Осуждённая за «оскорбление президента, чиновников и судей», она была приговорена к трём годам заключения в колонии общего режима и крупному штрафу. В заключении у неё диагностировали рак шейки матки в запущенной стадии, однако власти отказали в досрочном освобождении. Она отбыла срок полностью и вышла на свободу лишь в июне 2024 года. Ганна скончалась в феврале 2025-го, не дожив нескольких месяцев до своего сорокалетия, — горевать о ней осталась лишь пожилая мать. Светлана Крутикова покончила с собой, бросившись под поезд в декабре 2024 года, — после обвинений в «распространении экстремистских материалов», которые белорусские власти часто используют против тех, кто противостоит режиму. По словам её друзей, Крутикова больше не могла справляться с постоянными обысками, задержаниями и психологическим давлением. В мае 2025 года в Шкловской исправительной колонии скончался политический заключённый Валентин Штермер, приговорённый в 2023 году к пяти годам лишения свободы за онлайн-комментарии, осуждавшие российскую агрессию против Украины. Та же колония стала местом гибели другого политического заключённого — Витольда Ашурка, скончавшегося под стражей 21 мая 2021 года: эта трагедия побудила правозащитный центр «Вясна» объявить 21 мая Днём солидарности с политическими заключёнными Беларуси. Эти смерти — лишь некоторые из наиболее разительных примеров продолжающихся жестоких политических преследований в стране.

Десятки белорусов отбывают сроки за резкий комментарий или скромное пожертвование в фонды солидарности. Каждый обвинительный приговор показывает, что любая форма инакомыслия может быть криминализована, и каждый день преследований усугубляет физический и психологический ущерб, наносимый тем, на кого они направлены. Хотя белорусские власти и использовали законы «о борьбе с экстремизмом» для подавления инакомыслия в интернете, распространение знаний — мощный инструмент борьбы с несправедливостью.

Случаи и тенденции

С 2020 года тысячи белорусов были оштрафованы или приговорены судами к административному аресту на срок до пятнадцати суток только за хранение, распространение, репост, подписку или «лайк» онлайн-материалов, признанных властями «экстремистскими».² Уголовное преследование также носит массовый характер и продолжает расти. На сегодняшний день правозащитники задокументировали уголовные преследования за широкий спектр онлайн-активности, включая:

- регистрацию в «экстремистских» чат-ботах активистов;
- вступление в «экстремистские» чаты активистов;
- съёмку видео и их публикацию в «экстремистских» каналах;
- участие в онлайн-образовательных программах;
- участие в онлайн-шоу;
- распространение информации о передвижениях военных и полиции;
- разработку программного обеспечения для продемократических организаций;
- публикацию видео в TikTok на социальные темы;
- деанонимизацию государственных чиновников;
- участие в разговорных рулетках;
- переписку с белорусскими военными подразделениями, воюющими в составе украинской армии.

Ниже приводится обзор типов дел, в которых цифровые права наиболее страдают от репрессивного применения законов «о борьбе с экстремизмом» в Беларуси: преследование за онлайн-комментарии (1), администрирование онлайн-каналов (2) и онлайн-пожертвования (3).

---

² Доклад Группы независимых экспертов по положению в области прав человека в Беларуси, УВКПЧ, А/НRC/58/68, 7 февраля 2025 года, п. 34.

Онлайн-комментарии

Онлайн-комментаторы регулярно подвергаются преследованию со стороны властей за то, что последние квалифицируют как «разжигание ненависти» по статье 130 Уголовного кодекса, всё активнее применяемой против активных граждан. Хотя статья сформулирована относительно нейтрально и, на первый взгляд, создаёт основу для защиты уязвимых групп от языка ненависти, её реальное применение носит произвольный и политизированный характер. Норма криминализирует разжигание расовой, национальной, религиозной или иной социальной ненависти. «Иные» формы ненависти режим, как правило, трактует как ненависть, предположительно разжигаемую в отношении сотрудников правоохранительных органов или государственных чиновников посредством онлайн-комментариев. Такая интерпретация не нова и не является исключительно белорусским явлением. Когда Россия осудила блогера за «разжигание ненависти» к социальной группе сотрудников полиции по аналогичной статье, Европейский суд по правам человека в деле «Савва Терентьев против России» констатировал:

Полицию — государственный правоохранительный орган — едва ли можно отнести к незащищённому меньшинству или группе, имеющей историю угнетения или неравенства, подвергающейся глубоко укоренившимся предрассудкам, враждебности и дискриминации или уязвимой по иным причинам, а потому потенциально нуждающейся в усиленной защите от посягательств в виде оскорблений, высмеивания или клеветы.

В условиях повсеместной безнаказанности этот вывод не имеет никакого веса для белорусских чиновников. Статья 130 Уголовного кодекса наряду с другими нормами — статьёй 361 («призывы к нанесению ущерба национальной безопасности»), статьёй 364 («насилие или угроза насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел») или статьёй 369 («оскорбление должностного лица») — по-прежнему широко используется для подавления свободы слова в интернете. Комментарии, размещённые на так называемых «экстремистских» платформах или ссылающиеся на «экстремистские» организации (такие обозначения легко присваиваются путём внесудебного обновления многочисленных «экстремистских» списков), могут влечь ещё более суровые санкции — от обвинений во взаимодействии с «экстремистскими материалами» по статье 19.11 Кодекса об административных правонарушениях до «руководства «экстремистским» формированием» по статье 361-1 Уголовного кодекса.

Одни из наиболее разительных примеров подобных репрессий связаны с волной преследований по делу Зельцера. В сентябре 2021 года активист Андрей Зельцер был застрелен в своей квартире в ходе обыска, проводимого КГБ. Сотрудник КГБ, проводивший обыск, также погиб — предположительно застреленный Зельцером. Видеозаписи, на которых сам Зельцер открывает огонь, не существует, однако государственное телевидение показало кадры, где агенты в штатском выламывают дверь квартиры, а мужчина стреляет в них пока они входят. После инцидента вдова Зельцера Мария Успенская была признана виновной в соучастии в убийстве сотрудника КГБ и направлена на принудительное психиатрическое лечение.

Однако преследование распространилось далеко за пределы ближайших родственников погибшего. Люди, оставившие в интернете комментарии с осуждением произошедшего, были массово задержаны и преданы суду. Не менее 124 человек осуждены по уголовным статьям за комментарии, критикующие действия сотрудников КГБ. Министерство внутренних дел сообщило об установлении личности 200 человек, оставивших негативные комментарии о погибшем сотруднике КГБ. Большинство задержанных полностью отбыли сроки заключения, которые иногда длились несколько лет. Один из них, 38-летний работник творческих профессий Артём Задруцкий, приговорённый к трём годам за онлайн-комментарии, впоследствии подтвердил применение пыток и бесчеловечного обращения к задержанным по делу Зельцера. Для тюремного заключения оказывается достаточно даже «лайка»: спасатель Александр Курганский провёл 1,5 года в заключении по статье 130 за то, что поставил «лайк» посту в Facebook об этом инциденте.

Спустя годы после расстрела люди продолжают задерживаться за онлайн-комментарии по этому делу. В конце мая 2024 года Александр Судникович был задержан на белорусско-литовской границе. В видеозаписи принудительного «признания» — ещё одной печально известной и бесчеловечной практике, которую порой описывают как «цифровую пытку» — он признался в «оставлении комментариев, одобряющих действия Зельцера». Судникович по-прежнему находится под стражей, его точный приговор до сих пор неизвестен.

Преследования далеко выходят за рамки дела Зельцера. Практически любая форма онлайн-критики властей является незаконной. Среди наиболее показательных примеров:

- ИТ-инженер из Гродно Алексей Головкин отбыл полный трёхлетний срок за публикацию антирежимных комментариев в интернете. В заключении он был жестоко избит — в результате побоев у него образовались кровоподтёки на голове, плечах, спине и ноге; он не мог спать и наступать на ногу. Врач, который в итоге осмотрел Головкина, на жалобы заключённого ответил: «Какая гемофилия? Не надо было писать комментарии в интернете».
- Наталья Петрович, которой на момент ареста в 2022 году было 68 лет, была приговорена к шести годам лишения свободы за оставление критических комментариев в интернете. В 2024 году она была освобождена по государственному помилованию без оправдания или реабилитации.
- В апреле 2024 года Алексей Герман был приговорён к пяти годам лишения свободы за онлайн-комментарии, якобы направленные на «обострение социальной напряжённости и дестабилизацию ситуации в Республике Беларусь».
- В феврале 2025 года 72-летний Василий Демидович в девятый раз подряд предстал перед судом за «оскорбление должностного лица» посредством онлайн-комментариев. Он является старейшим белорусским политическим заключённым в национальном «террористическом списке».

Большинство лиц преследуется за онлайн-взаимодействие с «экстремистскими» материалами, даже если те официально не были признаны «экстремистскими» на момент взаимодействия. Так, в 2024 году священник Анджей Юхневич был осуждён не менее четырёх раз подряд, получив в совокупности 60 суток административного ареста, — при этом каждая «запрещённая» подписка или репост образовывали отдельное административное дело.

Администрирование и подписка на онлайн-платформы и каналы

Администрирование «экстремистских» каналов карается жёстко — как правило, комплексом уголовных обвинений, практически неизбежно включающим статью 361-1 Уголовного кодекса («создание или участие в экстремистском формировании»),⁴ нередко в совокупности с иными вариациями этой статьи:

- **Статья 361.** Призывы к мерам ограничительного характера (санкциям) и иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности;
- **Статья 361-1.** Создание или участие в экстремистском формировании;
- **Статья 361-2.** Финансирование экстремистской деятельности;
- **Статья 361-3.** Участие в вооружённых формированиях или конфликтах за рубежом;
- **Статья 361-4.** Содействие экстремистской деятельности;
- **Статья 361-5.** Подготовка к участию в экстремистской деятельности.

Наряду с обвинениями в экстремизме активно применяются обвинения в «терроризме». Например, статья 290-4, запрещающая «создание организации для осуществления террористической деятельности или участие в ней», нередко используется для политических преследований.

Государство подавляет инструменты цифровой самоорганизации, стремясь выявлять и пресекать инакомыслие. Во многих случаях произвольного задержания представителей гражданского общества на подобных основаниях власти, по всей видимости, сначала устанавливают связь конкретного человека с нежелательной группой или организацией, а затем присваивают этому сообществу статус «экстремистского формирования», создавая формальное основание для уголовного преследования. Помимо этого, с момента признания инициативы «дзечат» (карты с указанием местонахождения наиболее известных оппозиционных белорусских чатов) «экстремистским формированием» фактически любой чат может рассматриваться как структурное подразделение этого «экстремистского формирования». На пике своей деятельности инициатива объединяла 1000 каналов и 300 000 пользователей и считалась бы одной из крупнейших организованных «экстремистских» сетей, если бы не тот факт, что этот ярлык является не чем иным, как инструментом репрессий. Задержания за простое членство в чате жителей одного района продолжаются без остановки. Одна из наиболее масштабных волн задержаний прокатилась непосредственно накануне президентских выборов в январе 2025 года, широко осуждённых как фарс со стороны ЕС, Австралии, Канады, Новой Зеландии и Великобритании. Массовые слушания по делам задержанных в районных чатах начались в июне 2025 года.

С 2021 года белорусские власти преследуют лиц, причастных к «Плану Перемога» — мобилизационной инициативе, запущенной через Telegram. Инициатива была признана «экстремистским формированием» в ноябре 2021 года, и вскоре после этого было возбуждено уголовное дело по статье 361-1 Уголовного кодекса («создание или участие в экстремистском формировании»). Власти обвинили создателей проекта, находящихся за рубежом — в Польше и Литве, — в организации группы, ставящей целью «свержение конституционного строя» и «проведение подрывных акций». Для вербовки пользователей якобы использовался поддельный Telegram-бот, предположительно организованный

силовыми структурами: после регистрации или выполнения инструкций следовали аресты. Задержанных нередко снимают в принудительных «признательных» видео, транслируемых на проправительственных каналах. За этим следуют серьёзные обвинения: так, предприниматель Алексей Шышковец был приговорён к 11 годам лишения свободы за предполагаемое «совершение акта терроризма» и «подготовку к участию в боевых действиях на иностранной территории» по статьям 289 и 361-3 Уголовного кодекса соответственно.

В июне 2023 года белорусская правозащитница Яна Пинчук, выданная Минску из России в августе 2022 года, была приговорена к 12 годам лишения свободы по ряду политически мотивированных обвинений, включая разжигание социальной ненависти, создание экстремистской группы, причастность к созданию террористической группы, призывы к подрыву конституционного строя и нанесению ущерба национальной безопасности. Белорусские власти обвиняют Пинчук в администрировании Telegram-канала «Витебск 97%», критиковавшего режим Лукашенко и признанного в Беларуси «экстремистским».

Только в период с июля по сентябрь 2024 года правозащитники задокументировали задержания и возбуждение новых уголовных дел против администраторов чатов белорусов в Португалии и на Мадейре, в районе Тарногай во Вроцлаве, в Минске в районе Серебрянка и на улицах Бурдейного и Немига, в польском городе Калиш, в США, а также в одном из местных минских чатов, публиковавшем информацию о передвижениях силовых структур. В ходе этой волны арестов был задержан баскетбольный арбитр Александр Сырица, в итоге приговорённый к 4 годам заключения за создание чата о баскетболе и связь с организацией «Fund of Belarus Friend LTD», оказывающей помощь жертвам репрессий и потому признанной «экстремистским формированием». Помимо «создания и участия в экстремистском формировании», ему было предъявлено обвинение в «оскорблении президента», «разжигании ненависти» и «клевете на президента».

В октябре 2024 года бобруйчанин Максим Хващинский был приговорён к 7 годам лишения свободы за «создание экстремистского формирования» — он был признан виновным в создании двух местных продемократических Telegram-чатов: «Бобруйск 375» и «Бобёр 97%».

В январе 2025 года Минский областной суд приговорил Владимира Шпака, администратора Telegram-канала «Проповедник», к семи годам лишения свободы. По мнению правоохранителей, он «разжигал национальную и социальную ненависть, призывал к насилию, а также поддерживал радикализацию и терроризм». Такая трактовка основывалась на публикациях, критикующих государство, в том числе призывах к люстрации. Ему было предъявлено обвинение в «действиях, грубо нарушающих общественный порядок», «призывах к нанесению ущерба национальной безопасности» и «создании экстремистского формирования».

В феврале 2025 года Елена Елькина была приговорена к лишению свободы за администрирование небольшого Telegram-канала «ШапитоДич». Примечательно, что Елена была задержана ещё в мае 2024 года, тогда как канал был признан «экстремистским формированием» лишь два месяца спустя — в июле 2024-го, что ещё раз подтверждает: статья 361-1 применяется ретроактивно.

В начале 2025 года белорусские власти развернули волну репрессий против лиц, передававших информацию в Telegram-канал «Беларускі Гаюн» — мониторинговый проект, собиравший сообщения о передвижениях российских военных в Беларуси. После того как бот канала был взломан и его база данных, включавшая персональные данные участников, оказалась скомпрометирована, режим приступил к уголовному преследованию граждан по статье 361-4 Уголовного кодекса за «содействие экстремистской деятельности», поскольку

канал был признан «экстремистским формированием» ещё в 2022 году. По данным Правозащитного центра «Вясна», задержаны не менее 26 человек; аресты фиксировались в Минске, Брестской и Гомельской областях. Другие источники сообщают о не менее чем 50 задержанных по делу «Гаюна» только в Бресте. Основатель проекта и блогер Антон Мотолько был приговорён к 20 годам лишения свободы заочно по 14 уголовным статьям, в том числе за государственную измену. Эта волна репрессий наглядно демонстрирует нарастающие риски, связанные с участием в деятельности независимых цифровых платформ, и использование антиэкстремистского законодательства для криминализации гражданской журналистики.

В Беларуси, помимо преследования тех, кто администрирует или сотрудничает с оппозиционными Telegram-каналами, даже простая подписка на такие каналы или страницы в социальных сетях может служить основанием для наказания. Наталья Василенко, женщина с тяжёлой формой инвалидности и давно задокументированной историей трудностей и пренебрежения со стороны государства, была задержана в декабре 2024 года за предполагаемые «экстремистские» подписки. Ранее широко известная тем, что в своё время избежала высылки при содействии нобелевского лауреата Светланы Алексиевич, она открыто критиковала государство за безразличие к людям с её положением. В январе 2025 года она была осуждена за «клевету на президента» и «дискредитацию Беларуси» и взята под стражу, несмотря на серьёзные проблемы со здоровьем. Схожая история произошла с другим белорусом — Сергеем: отбыв 2,5 года за отправку фотографий военной техники в Telegram-бот, он был повторно арестован вскоре после освобождения и приговорён к 15 суткам административного ареста за подписку на «экстремистскую» страницу, которая была неактивна, — хотя с момента первоначального ареста в 2022 году у него не было доступа ни к аккаунту, ни к телефону.

В сегодняшней Беларуси любая форма цифрового активизма — лайки, подписки, старое членство в группах — может повлечь задержание, длительные сроки лишения свободы или непрекращающееся преследование. Ретроактивное применение «экстремистских» обозначений дополнительно подрывает правовую определённость, позволяя властям преследовать за действия, которые не были незаконными в момент их совершения. В совокупности с принудительными тактиками и расширительным толкованием размытых правовых норм этот подход породил среду, в которой «нежелательное» онлайн-поведение способно повлечь серьёзные последствия, включая уничтожение свободы слова и лишение свободы.

---

⁴ Закон «О противодействии экстремизму» содержит две формы «экстремистских» объединений — организации и формирования. Для присвоения статуса организации требуется соответствующее судебное решение, тогда как статус формирования может быть присвоен внесудебно — по административному решению Министерства внутренних дел или Комитета государственной безопасности (КГБ). В соответствующем списке числится лишь одна организация и более 100 формирований, в том числе преимущественно независимые СМИ и сети активистов.

Онлайн-пожертвования

Прежде онлайн-пожертвования были одним из наиболее доступных способов выразить солидарность и поддержать уязвимые группы в Беларуси. Теперь — нет. Де-факто власти сообщили о выявлении 2700 криптовалютных транзакций, связанных с финансированием «экстремизма» и «терроризма», с участием не менее 1445 человек. По меньшей мере 44 уголовных дела было возбуждено в связи с этими транзакциями. С начала полномасштабного вторжения России в Украину онлайн-пожертвования также стали способом поддержать людей, воюющих против армии-агрессора, и белорусское подразделение в составе украинской армии (полк Калиновского). Однако белорусские власти тщательно отслеживают все онлайн-пожертвования. Наказания варьируются от «бесед» в помещениях КГБ, где людей принуждают признать вину и выплатить суммы государственным благотворительным организациям, нередко в десятикратном размере от исходного пожертвования, — до длительных сроков лишения свободы по статье 361-2 Уголовного кодекса за «финансирование экстремистской деятельности», поскольку многие независимые фонды солидарности признаны «экстремистскими формированиями».

С начала полномасштабного вторжения России в Украину правозащитники и журналисты задокументировали множество случаев преследования за пожертвования в пользу украинской армии или конкретно белорусов, воюющих на стороне Украины:

- В феврале 2022 года мужчина по имени Александр пожертвовал около 2000 евро украинской армии. Он был вызван в КГБ для допроса и объявлен подозреваемым в финансировании терроризма. Его квартира, бизнес, личные счета и даже банковская карта его 10-летнего сына-инвалида были арестованы.
- В январе 2023 года Владислав Яценко был приговорён к пяти годам лишения свободы за пожертвование в поддержку полка Калиновского.
- В июне 2023 года Анастасия Петроченко была приговорена к трём годам лишения свободы за перевод денежных средств в пользу полка Калиновского.
- В октябре 2023 года программист из Бреста Леонид Райченко был приговорён к шести годам лишения свободы за перевод 400 долларов на бронежилеты белорусским добровольцам, воюющим на стороне Украины, а также за пожертвование 150 долларов Пражской группе поддержки, объединяющей белорусов в Праге, которые собирают средства для белорусских добровольцев, воюющих на стороне Украины.
- В апреле 2024 года 57-летний политический заключённый Александр Вересович был приговорён к шести годам лишения свободы за поддержку полка Калиновского двумя пожертвованиями через фонд солидарности BYSOL. Его действия были квалифицированы как «финансирование экстремистской деятельности» и «подготовка к участию в боевых действиях на иностранной территории».

Даже пожертвование, которое так и не дошло до адресата, может обернуться лишением свободы. В одном из наиболее разительных примеров несоразмерного наказания за проявление солидарности молодая женщина была приговорена к трём годам лишения свободы за попытку перечислить 16 долларов полку Калиновского. Хотя перевод был автоматически заблокирован белорусским банком и так и не прошёл, ей было предъявлено обвинение в покушении на финансирование экстремистской деятельности. Вернувшись в

Беларусь из Польши, куда она уехала в связи с политической нестабильностью, Полина была арестована, допрошена и снята в принудительном «признательном» видео. Суд отклонил её объяснение о том, что она не знала об «экстремистском» статусе полка и полагала, что средства предназначены для гуманитарных целей. В приговоре в качестве отягчающего обстоятельства был упомянут её предыдущий административный штраф за «распространение экстремистских материалов».

В числе наиболее суровых приговоров за пожертвования:

- Павел Харитонов был приговорён к пяти годам лишения свободы за «финансирование экстремистской деятельности». Обвинительный приговор основывался на единственном пожертвовании в размере 20 долларов, сделанном в 2021 году в пользу инициативы, которая на тот момент не была признана экстремистской.
- Артур Ролич был задержан при возвращении в Беларусь и приговорён к девяти годам лишения свободы за финансирование «террористической» и «экстремистской» деятельности — за пожертвования различным белорусским гражданским инициативам.
- Отец и сын Юрий и Виталий Юрени были осуждены за благотворительные онлайн-пожертвования гражданским инициативам. Сын Виталий был приговорён к трём годам лишения свободы за «финансирование экстремистских формирований» в июле 2023 года, однако в сентябре 2024-го помилован. Отец Юрий был осуждён по тому же обвинению в ноябре 2023 года и по-прежнему находится в заключении.

Влияние на цифровые права

Законы «о борьбе с экстремизмом» и «о борьбе с терроризмом» в Беларуси являются несомненными инструментами институционализации политических репрессий,⁵ в том числе цифровых. Густая сеть размытых норм, чёрных списков и внесудебных классификаций наделяет власти неограниченными полномочиями навешивать ярлыки «терроризма» и «экстремизма» для наказания за любую воспринимаемую нелояльность, когда бы она ни проявлялась — в лайке, комментарии, публикации или подписке.

Применение белорусских антиэкстремистских законов представляет собой фундаментальное нарушение международных правовых стандартов в области защиты цифровых прав, прежде всего предусмотренных статьёй 19 МПГПП, участником которого является Беларусь. Статья 19 защищает право на свободу выражения мнений, включая право искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода — вне зависимости от государственных границ и через любые средства коммуникации. Любое ограничение этого права должно отвечать совокупным условиям законности, легитимности цели, необходимости и соразмерности — условиям, которым власти не отвечают: они используют размытые и всеобъемлющие определения «экстремизма» и «терроризма» в национальном законодательстве, открыто декларируют цель системной «зачистки» информационного пространства и назначают годы лишения свободы за самые скромные формы онлайн-высказываний.

Согласно Замечанию общего порядка № 34 Комитета по правам человека, законы, криминализирующие высказывания, должны быть сформулированы с достаточной точностью, позволяющей гражданам соизмерять с ними своё поведение. Нормы белорусских законов «о борьбе с экстремизмом» — включая соответствующие положения Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях, — систематически используемые для подавления цифровых высказываний, этому тесту не удовлетворяют. Эти статьи содержат открытые понятия, такие как «иная социальная ненависть» и «действия, наносящие ущерб национальной безопасности», которые законодательством чётко не определены и расширительно толкуются правоохранительными органами и судами. Подобная неопределённость создаёт сдерживающий эффект для законных онлайн-высказываний.

Ретроактивное применение обозначений «экстремистов» дополнительно противоречит принципу недопустимости обратной силы закона, закреплённому в статье 15 МПГПП. Граждане привлекаются к уголовной ответственности за цифровую активность (например, за подписки на Telegram-каналы, участие в онлайн-чатах или чат-ботах), которая была законной на момент совершения, но впоследствии была криминализована ретроактивно — через административное внесение в списки «экстремистских формирований». Такие списки формируются без какого-либо судебного контроля, что делает последующее уголовное преследование ещё более нелегитимным.

⁵ См., в частности: Доклад по правам человека в Беларуси, Доклад Специального докладчика по положению с правами человека в Беларуси Нилса Муйжниека от 25 апреля 2025 года, A/HRC/59/59, и Доклад Группы независимых экспертов по положению в области прав человека в Беларуси, 7 февраля 2025 года, A/HRC/58/68.

Систематически нарушаются и права на надлежащую правовую процедуру. Уголовные дела нередко основываются на намеренных манипуляциях и фишинге (когда пользователей провоцируют вступать в похожие на «экстремистские» чаты), скриншотах или истории чатов, полученных в результате обысков без санкции суда или под принуждением. Власти часто опираются на скриншоты или истории чатов, добытые без ордера — в ходе принудительных допросов или инвазивных обысков, пренебрегающих базовыми процессуальными гарантиями. Граждан крайне редко информируют о правовых основаниях проводимой слежки, а при изъятии устройств или получении доступа к аккаунтам им зачастую отказывают в праве на юридическую помощь.

По мере того, как белорусские власти с нарастающей скоростью и жёсткостью распространяют репрессии на онлайн-пространство, они активно преследуют высказывания и разрушают социальные связи, питающие гражданское сопротивление. Подавление онлайн-высказываний и солидарности порождает страх и изоляцию, ещё прочнее укореняя авторитарное правление. Цифровые права должны быть восстановлены через отмену размытых антиэкстремистских норм, точное и сбалансированное применение закона, прекращение ретроактивного применения законодательства, введение независимого судебного контроля над присвоением статусов «экстремизма» и приведение национального законодательства в соответствие с чёткими стандартами, установленными международными договорами о правах человека и судебной практикой.

Защита цифрового гражданского пространства от усиления авторитарного контроля с помощью правовых гарантий, международного контроля и доступных знаний в области кибербезопасности является одновременно крайне важной и неотложной задачей. Кризис прав человека в Беларуси — это также кризис цифровых прав. Возвращение цифрового пространства неотделимо от более широкой борьбы за права человека, демократию и справедливость в Беларуси.